

Ioannis Antiocheni Fragmenta quae supersunt omnia / Rec. S. Nariev. Berlin ; N. Y., 2008.

Kaldellis A. Procopius of Caesarea. Tyranny, History and Philosophy at the End of Antiquity. Philadelphia, 2004.

Kuranc J. De Prisco Panita, rerum scriptore quaestiones selectae. Lublin, 1958.

Maenchen-Helfen O. J. Die Welt der Hunnen. Eine Analyse ihrer historischen Dimension. Wien ; Köln ; Graz, 1978.

Maltese E. V. A proposito dell'opera storica di Prisco di Panion // Quaderni di storia. 1979. No. 9.

Maltese E. V. Note et osservazioni sul testo di Prisco di Panion // Helikon. 1977. No. 17.

Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2 : A. D. 395–527. Cambridge, 1980.

Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 1. Berlin, 1958.

Priscus Panita. Excerpta et Fragmenta / ed. P. Carolla (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Latinorum Teubneriana). Berlin ; N. Y., 2008.

Roberto U. Prisco e una fonte romana del V secolo // Romanobarbarica. 2000–2002. Vol. 17.

Suidae Lexicon / Rec. 1. Bekkeri. Berolini, 1854.

Thompson E. A. The Huns. Oxford ; Cambridge (Mass.), 2006.

Tyszkiewicz L. A. Hunnowie w Europie. Ich wpływ na Cesarstwo Wschodnie i Zachodnie oraz na ludy barbarzyńskie. Wrocław, 2004.

Wirth G. Attila. Das Hunnenreich und Europa. Berlin ; Köln, 1999.

Zecchini G. Aezio: l'ultima diffusa dell'occidente romano. Roma, 1983.

УДК 94(47).065/066:373.3

О. С. Кравченко

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ О ГАРНИЗОННЫХ ШКОЛАХ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

В статье впервые анализируются законодательные и нормативные акты, регламентировавшие организацию гарнизонных школ, самого крупного вида учебных заведений России во второй половине XVIII в. Раскрываются изменения программ, обеспечения школ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: законодательство, Полное собрание законов Российской империи, гарнизонные школы, солдатские дети, финансирование школ.

Нами были охарактеризованы законодательные и нормативные акты, регламентировавшие деятельность гарнизонных школ в 1720–1740-х гг. [см.: Сафронова, Кравченко; Кравченко]. Показано, что за 30 лет (1721–

© Кравченко О. С., 2015

1740) в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ) опубликован 21 документ. За вторую половину столетия (1751–1800) в ПСЗРИ их налицо столько же. Цель нашей статьи — проанализировать дальнейшее развитие норм о гарнизонных школах, поставлявших в российскую армию как обученных рядовых, так и унтер-офицерские кадры, на которых лежали главные заботы по контролю за порядком в воинских подразделениях. Эти школы являлись основным источником пополнения армии квалифицированными ремесленниками, они обеспечивали собственными писарями многочисленные воинские канцелярии. Внимания высшей власти к регулированию деятельности гарнизонных школ требовала и активная внешняя военная политика России второй половины XVIII в.

Так, во время Семилетней войны Сенат проявил особую заинтересованность в информации о состоянии гарнизонных школ и числе учащихся в них. Затребовав из Военной коллегии и изучив ведомость о гарнизонных школьниках, Сенат 18 ноября 1758 г. издал указ «О не определении солдатских детей мимо учрежденных школ в другие места и о доставлении от Военной коллегии в Сенат годовых рапортов о числе таковых детей, обучающихся в школах» [ПСЗРИ-1, т. 15, № 10901]¹. Сенат констатировал, что «по числу армейских и гарнизонных полков, солдатских детей в школах состоит весьма мало» — 6002 человека. Напомним, лишь на основе установленных вакансий школы могли вместить 4000 человек, не говоря уже о разрешении принимать детей и сверх комплекта.

Поэтому Сенат приказал: Военной коллегии собрать со всех школ ведомости с показанием, «сколько ныне в оных солдатских детей и каких лет состоит, и каким наукам обучены»; разобрать их, определить подоспевших по возрасту в службу. А чтобы впредь солдатские дети «мимо» школ никуда не определялись, Военной коллегии «ко всем командам» подтвердить, чтобы *это не только при гарнизонных войсках, «но и при армейских полках везде наипрележнейшие наблюдаемо было»* (курсив наш. — О. К.). Для этого о детях солдат и драгун, находящихся при полках и рожденных во время службы отцов, «иметь достаточныя ведомости»; детей из армейских полков отсылать в гарнизонные школы поблизости, где их содержать и сверх комплекта на доходы Штатс-конторы, «а мимо школ никуда их не употреблять и не отпускать». О числе учеников, их возрасте и чему обучаются — подавать в Сенат годовые рапорты. Поскольку дети солдат и прочих служилых «находятся при Артиллерии и при Адмиралтействе, того ради и об них поступать против вышеписанного, а сколько таковых же солдатских детей при баталионах, Канцелярии от строений,

² Далее ссылки на ПСЗРИ начинаются с номера тома.

Ладожского канала, и Канцелярии от строений Государственных дорог находится, и каких лет и куда употребляются, подать из тех мест ведомости».

Таким образом, этим указом Сенат дополнил нормы законодательства о гарнизонных школах; расширил состав детей, подлежащих обучению в них за счет служащих армейских полков, детей солдат, служивших при Артиллерии и Адмиралтействе; при этом заинтересовался и солдатскими детьми при ряде других воинских учреждений; в очередной раз напомнил Военной коллегии о необходимости подачи годовых рапортов об учащихся гарнизонных школ в Сенат.

В конце 1760 г. Сенату понадобились сведения о том, куда за предшествующие пять лет «пред сим» (то есть с 1755 по 1759 г.) были распределены ученики гарнизонных школ, сколько их «ныне» во всех гарнизонных школах находится и в каком возрасте [т. 15, № 11162]. Эти данные стали необходимы для обсуждения какого-то важного вопроса, касающегося школ: Сенат затребовал их у Военной коллегии указом от 12 декабря 1760 г., *«имея рассуждение»* (курсив наш. — О. К.). Этим же указом Сенат изменил порядок подачи ведомостей о гарнизонных школах и пополнил состав их информации: впредь Военная коллегия обязывалась подавать их уже не раз в год, а дважды, с указанием мест распределения учащихся. Ясно, что вследствие этого сенатского указа Военная коллегия, в свою очередь, должна была изменить порядок подачи ведомостей для подчиненных учреждений.

Сенатский указ от 27 марта 1761 г. «О числе учеников, определяемых к обучению ремеслам при Кадетском Корпусе...» и других связанных с этим вопросах имел прямое отношение к распределению гарнизонных школьников [т. 15, № 11224]. Причина издания указа разъясняется в преамбуле. Сенат запросил от всех команд ведомости, «сколько где иностранных мастеровых людей на каких кондициях содержатся и есть ли от оных какой плод в обучении, чтоб национальные [люди] мастерами сделались». Будущий император Петр Федорович как главный директор Сухопутного кадетского корпуса в своем доношении в Сенат показал: в Кадетском корпусе много иностранных мастеров: «коновал, кузнец, седельник, шпорный мастер, ложный мастер, слесарь, столяр, садовник, портной, штиблетник», но за тридцать лет ни одного из учеников не выучили, «чтоб хорошим мастером стал»; в ученики к ним определяли рекрутов, а это люди от 20 до 35 лет, неграмотные или «весьма порочные», поскольку «ни один помещик грамотного, доброго человека в рекруты не отдаст».

Петр Федорович рассудил: «ежели хотеть национальных хороших мастеров иметь, то надобно наперед к тому способных людей приготовить»: взять из гарнизонной школы 150 человек от 13 до 15 лет в Кадетский кор-

пус и содержать всегда это число, пополняя детьми нижних чинов корпуса, вольными, не положенными в оклад, если не хватит, добирать из гарнизонной школы. Обучать их чтению, письму, арифметике, геометрии, рисованию, немецкому языку, поскольку на нем есть хорошие книги по содержанию и лечению лошадей, а русских книг нет. Подробно обосновывалась польза для армии в умелых мастерах, капельмейстерах, необходимость повышения им жалованья. К доношению прикладывалось «расписание», сколько содержать учеников различных ремесел на 30 конных и 50 пехотных полков: коновальных, седельных, шпорных, «ложных», кузнечных, «музыкантных» — по 20 учеников, «ружейных» — 30, всего 150.

Сенат согласился с предложениями Петра Федоровича и приказал: быть при Кадетском корпусе 150 ученикам «из гарнизонных школьников и Кадетского Корпуса нижних чинов из детей, також из вольных, неположенных в подушный оклад». Военной коллегии сделать определение, чтоб выученные мастерствам не более двенадцати лет служили, уходили в отставку с обязательством записываться в цехи. На обучение мастерствам в Кадетском корпусе на первый случай приказывалось выдать 1000 руб., а впредь давать по 6000 руб. из Штатс-конторы из собираемых подушных денег.

Большое внимание было уделено разработке законодательных норм, касающихся гарнизонных школ, в годы правления Екатерины II, за первые двенадцать лет ее царствования появилось девять законодательных актов, затрагивающих организацию школ, и один указ Сената.

В связи с окончанием Семилетней войны Екатерина II указом от 5 ноября 1762 г. повелела создать Воинскую комиссию с целью рассмотреть «не токмо все главное учреждение» о сухопутном войске, но «и самыя подробности службы каждого чина от нижняго до вышняго» [т. 16, № 11707]. В состав комиссии вошли генерал-фельдмаршалы графы Кирилл Разумовский и Петр Салтыков; генерал князь Александр Голицын, генерал-фельдцейхмейстер Александр Вильбоа, генерал Петр Панин, генералы князя Михаил Волконский и Василий Долгорукий; генерал-поручики Василий Суворов, Владимир Лопухин и Магнус Берг. Комиссия получила широкую программу работы, состоящую из 33 пунктов, но о гарнизонных школах в ней не упоминалось.

Одним из итогов работы этой Воинской комиссии стал доклад «О преформировании гарнизонов по приложенным при оном штатам и табелям», поднесенный Екатерине II и получивший высочайшее утверждение 19 апреля 1764 г. [т. 43, ч. 1, № 12135]. Этот законодательный акт имеет сложную структуру. Начало доклада Воинской комиссии посвящено обоснованию необходимости перемен в организации гарнизонов, названы

составные части доклада. Далее под самостоятельными заголовками идут «Рассуждение Воинской комиссии об учреждении гарнизонов совсем на ином противу нынешняго основании» (12 пунктов) и «Генеральное наставление, касающееся до гарнизонных баталионов и солдатских школ» (29 пунктов).

Законодательным актом от 19 апреля 1764 г. гарнизонные соединения получали новую организацию. Переформирование их было вызвано тем, что «точного и основательного себе положения не имели», действительное их расположение зачастую перестало соответствовать документам: «полки, счисляясь в одной крепости, находятся в других... в иных крепостях состоит число гарнизонных полков излишнее, а в иных недовольное», в некоторых местностях полков нет, а они необходимы для сопровождения казны, колодников, сыска воров и т. д. Поскольку в одних местах полк стал излишен, а в других его было недостаточно, во избежание их дробления полки были заменены на батальоны, состоявшие из 6 рот.

На базе 20 остзейских полков создавалось 64 пограничных батальона, вместо внутренних 26 полков и нескольких батальонов — 19 внутренних батальонов. В каждом гарнизонном батальоне полагалось иметь 6 рот (четыре строевых, по одной инвалидной и мастеровой), формирующихся из отставных солдат. Устанавливались новые нормы жалования рядовым внутренних гарнизонов: половина против армейских (вместо прежних 3 руб. 48 коп. в год — 3 руб. 75 коп.), в пограничных батальонах оно оставалось прежним — 5 руб. 52 коп. в год.

Из двенадцати пунктов «Рассуждения» гарнизонных школ касался один — 11-й. Предписывалось в каждой роте исключить по шесть рядовых, и на этих вакансиях содержать школьников из солдатских детей, под присмотром комендантов обучать их «грамоте и арифметике и музыке». В качестве учителей по-прежнему предусматривалось употреблять гарнизонных офицеров. Здесь же упоминался именной указ, данный Екатериной II Воинской комиссии, от 3 марта, видимо, 1764 г., по которому «сие о школьниках и солдатских детях учреждение всеподданнейше исполняется». В ПСЗРИ этот указ отсутствует, не известен он и исследователям.

Из двадцати девяти пунктов «Генерального наставления» школам посвящалось восемь — пункты 4 и 15–21. Школы по-прежнему находились в ведении комендантов и обер-комендантов, которые должны были рапортовать о них губернаторам «и по всем получаемым от них ордерам исполнение чинить», то есть гражданские власти губернии получали право в какой-то мере распоряжаться школьниками. Рапорты «о состоянии людей и о числе школьников» предписывалось сочинять комендантам, подавать обер-комендантам, а тем — сводные «генеральные» отсылать

в Военную коллегию ежемесячно (п. 4). На шесть вакансий в роте приказывалось содержать детей не только гарнизона, но и «из присылаемых от состоящих в тех местах дивизии полков». Денег на школьников приходилось в пограничном батальоне и находящемся в крепости 442 руб. 39¼ коп., а во внутреннем — 380 руб. 5 коп. (п. 15).

Из этих средств предписывалось «построить школу каменную, а по нужде на первой случай деревянную» или потребовать каменное здание «от города» и починить силами солдат. Екатерина II резолюцией на этот пункт уточнила: «Казенное и ни к чему нужнейшему не употребленное».

В пункте 17 излагалась программа обучения: «Школьников обучать всему строевому и до воинской службы и ея порядку принадлежащему, грамоте, арифметике, музыке, барабанщицей науке, играть на флейте, разделяя на сии науки часы по пристойности; по субботам же читать пред школами из Военного артикула о предпочитании команды и прочие приличные пункты, касающиеся до повиновения», а также пункты о наказаниях «за кражу, за слабое стояние на карауле, за воровство, за робость против неприятеля, за ослушание команды и прочия». В случае недостатка учителей из гарнизонных офицеров — «требовать от Канцелярии Артиллерии и Фортификации».

Обращает на себя внимание сокращение программы обучения в гарнизонных школах с 1764 г. по сравнению с законодательством 1732 г., согласно которому наиболее способных учеников полагалось обучать геометрии, «артиллерийской и инженерной «наукам». Одновременно вводилось чтение отдельных статей Военного артикула как метод воспитания будущих военнослужащих.

В пункте 18 отмечалось: «Одежда школьникам, и их содержание описано в приложенной здесь Табеле», но она также опубликована в приложении к документу под № 13390 (высочайше утвержденному докладу от 7 декабря 1769 г.). О ней речь пойдет ниже.

Как и именным указом 1732 г., деньги на пропитание школьников полагалось отдавать родителям. В отношении сирот предписывалось: «для таких нанимать гарнизонных баб, которым тех школьников обшивать и обмывать; за чистотою же школьников наблюдать приставленному командиру, чтоб всякой день были они умыты и порядочно причесаны, в воскресенье и праздничные дни приводить в церковь порядочно и иметь всегда церковной парад».

Школы полагались лишь в тех гарнизонах, где имелся хотя бы один батальон, там же, где были роты, детей предписывалось «отдавать в те батальоны, куда они принадлежат», то есть часть школьников по-прежнему должна была обучаться вдали от семьи.

Пункт 20 посвящался распределению учеников: «Когда из сих школьников кого потребуют в полевые полки в флейщики, барабанщики, музыканты или в писари, таких отпускать без задержания; а в солдаты отдавать не меньше 16 лет». Обращает на себя внимание увеличение возраста распределения школьников в солдаты с 15 до 16 лет при отсутствии каких-либо оговорок в отношении возраста распределяемых в музыканты.

Более детальную регламентацию организации школ Военная комиссия отдавала на усмотрение низшего воинского начальства: «Впрочем, что лучше обер-коменданты или коменданты к содержанию и научению школьников придумать могут, отдается в их власть» (п. 21). На этот пункт императрица сделала добавление: «А что поправят, о том рапортовать по команде».

А теперь обратимся к Таблице IV «Мундирным и прочим вещам, для гарнизонных школьников, с показанием сроков и годовой цены оным». Содержание этой таблицы наглядно демонстрирует перечень одежды, еды, учебных пособий, полагавшихся учащимся гарнизонных школ. Каждому школьнику на три года полагался мундир с роговыми пуговицами, воротниками и обшлагами из красного сукна; овчинная шуба, крытая суровым полотном; красная суконная шапка; ежегодно — холст на две рубашки, на девять портов, галстук, две пары башмаков с пряжками и две пары шерстяных чулок. В среднем в год на одежду и обувь выделялось на 54 человека 90 руб. $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{8}$ коп. «На провиант: за муку и крупу каждому» фигурировало 3 руб. 88 коп.; хотя срок выдачи не указывался, ясно, что эта сумма полагалась одному школьнику на год. Определялся и состав учебных пособий на 54 человека: на десять лет — циркулей троеножных и простых — по 8 штук, «шкал» — 1, геометрий, арифметик, «Книг табулясинусовых» — по 2; на пять лет — 20 азбук, по 7 «Десятословиев» и часословов, 10 псалтырей, один Новый Завет. Полагалось также 35 каменных досок для письма, 10 стоп писчей бумаги ежегодно; свеч сальных 3 пуда, чернил 3 ведра (вероятно, также на год). В принципе этих пособий должно было хватить учащимся, как и одежды, а вот нормы питания выглядят очень ограниченными, особенно если учесть, что часть учащихся отрывалась от семьи и направлялась в школы, расположенные вдали от дома. На 54 ученика в каждом батальоне на мундир, пособия и провиант в год полагалось 403 руб. $93\frac{5}{23}$ коп. На учащихся всех 84 батальонов ежегодная сумма составляла 26 296 руб. $17\frac{17}{20}$ коп.

Поскольку в каждом батальоне от 54 солдатских вакансий в пограничных батальонах за вычетом сумм на содержание комплекта школьников должно было оставаться по 129 руб. 43 коп. в год, во внутренних же — по 67 руб., на эти деньги предписывалось «содержать случающихся

солдатских детей сверх комплектными, производя им платье и обувь, как и прочим; а провиант производить, сколько их будет, из оставшего от неполного комплекта людей в полках от Провиантской Канцелярии».

Попробуем вычислить, сколько же детей можно было содержать сверх комплекта на эти суммы при каждом батальоне. Если на 54 комплектных ученика на одежду и обувь требовалось 90 руб. $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{8}$ коп. в год, то на остаточную сумму в 196 руб. 43 коп. можно было обеспечить вещами в два раза больше учеников, зачисленных сверх комплекта. Но на этих сверхкомплектных нужны были и дополнительные учебные пособия. Напомним, указом Сената от 1 декабря 1736 г. разрешалось приобретать книги для сверхкомплектных учеников на деньги Штатс-канцелярии. В документе же 1764 г. об этом умалчивалось. Получалось, что сверхкомплектные ученики должны были обеспечивать себя книгами за счет семьи, либо казенные пособия пришлось бы делить на группу, в два раза с лишним превосходящую положенную по штатным нормам 1764 г.

8 декабря 1764 г. вышла высочайше утвержденная «Инструкция пехотного полка полковнику, с приложением форм штатов и табелей» [т. 16, № 12289]. В ней имелось двенадцать глав. Глава 11 под названием «О солдатских женах и о солдатских детях» содержала нормы, касавшиеся гарнизонных школ. Эта глава состояла из шести пунктов. Солдатским женам полагалось жить при полку в квартирах с мужьями, пропитание иметь «своими трудами, работою и ремеслом». Покидать полк они могли лишь с согласия мужа, получив в полку паспорт с указанием, чья жена, куда отпущена, с записью сыновей младше 4 лет; «с подтверждением», что в 7 лет объявят сыновей в полку в школу. Повторялись нормы указа 1732 г. о штрафовании за укрывательство таких детей и награждении за предъявление властям (10 руб.); о наказании детей старше 15 лет за неявку для определения в службу как беглых.

Нововведением в законодательстве стали нормы о выдаче солдатским вдовам на содержание детей с двух лет по одному четверику (пуду) провианта на месяц, «дабы оные за неимением пропитания по миру скитаться и в другия места разбродиться причины не имели», могли кормиться и матери, и другие дети. В мягкой формулировке говорилось о мерах помощи семье со стороны командира: «Полковник старанием своим и попечением может дать довольной случай к пропитанию и содержанию солдатских жен при полках, когда оных в полку к разным работам употреблять будет... к шитью и мытью для полковых служителей белья, вязать чулки, шить полатки, перемидные [переменные] чехлы и штиблеты и тому подобное». Круглых сирот предписывалось отдавать на воспитание «доброму и надежному женатому солдату, чтоб он и жена его о воспитании

старались», давать на сироту провиант, «а ротному командиру о порядочном его вскармлении велеть иметь наблюдение».

Запрещалось определять детей в солдатскую службу «прежде» 15 лет; в писари же, флейтчики, музыканты полковник мог распределять и младше этого возраста.

С 7 лет дети солдат подлежали обучению в школах «грамоте читать, писать и часть арифметике»; в качестве учителей полагалось использовать «надежных унтер-офицеров под смотрением одного офицера». Полковнику об обучении детей предписывалось «иметь крайнее попечение», позволялось «из оставшегося от строения полкового мундира сукна» сшить школьникам кафтаны, какие полковник «за благо разсудит».

Ясно, что основное внимание в инструкции полковникам пехотных полков уделялось мерам прикрепления солдатских детей вместе с матерями к месту службы отцов при полку, способствующим своевременной явке отпущенных на заработки матерей в полк по достижении семилетнего возраста детей. В январе 1766 г. высочайшее утверждение получила «Инструкция конного полка полковнику», 25-я глава которой посвящалась солдатским детям и полностью повторяла текст главы 11 «Инструкции пехотного полка полковнику» [т. 16, № 12289]. Таким образом, права и обязанности глав пехотных и конных полков в отношении солдатских детей, их сбережения как будущих воинов, обучения в школах и распределения в службу получили конкретное законодательное оформление.

В июне 1765 г. Екатерина II утвердила доклад Воинской комиссии «О выдаче денег сверхкомплектным солдатским школьникам на пищу и одежду; о приеме солдатских детей в школы и о сумме на их содержание» [т. 17, № 12412]. Причина появления этого законодательного акта выясняется из текста доклада комиссии. Военная коллегия, получив подтвержденные императрицей «о школах и солдатских детях» штаты, разослала их по всем командам. Но после возвращения армии внутрь государства число солдатских детей увеличилось, отставные солдаты с семьями прибыли в гарнизоны. Согласно поданным в Военную коллегия рапортам оказалось, что «сверх положенного во всех школах числа при школах 4533, да при отцах и матерях 6260, и того, кроме комплектных 4536, 10 793 человека, коим уже того положенного по штатам содержания доставать и не может».

Эти данные, полученные центральным органом управления военным делом, очень красноречиво отражают ситуацию с далеко не достаточным финансированием гарнизонных школ. Средств, выделенных новыми Воинскими штатами 1764 г. на их деятельность, было явно мало. Получалось, что в школах обучалось 9069 человек; число комплектных

учеников (4536) всего на три человека превышало число сверхкомплектных (4533), при этом 40,8 % детей школьного возраста продолжали оставаться за порогом гарнизонных школ, при отцах и матерях. Представляют большой интерес данные о том, сколько же из них обучалось на дому или у учителей грамоты за счет родителей, что наверняка получило отражение в рапортах с мест.

В докладе Военной комиссии указывалось, что командующий Сибирским корпусом генерал-поручик Шпрингер предложил военному ведомству: из-за удаленности драгунских полков от гарнизонных школ учредить для обучения детей драгун такие же школы, как по новым штатам положено, в Омске, в крепости Святого Петра, в Ямышевской, Бийской крепостях; содержать в них комплект по 100 человек, в Омске — 150. На содержание их потребуется 2407 руб. 50 коп., на починку школ, «покупку принадлежащего ко обучению»: на Омскую — 150 руб., на прочие — по 100 руб., а всего — 2857 руб. 50 коп.

Учитывая пользу от пополнения полков солдатскими детьми, Военная комиссия просила высочайшего повеления, чтобы всем солдатским детям, «счисляющимся сверхкомплектными в школах», помимо провианта «выдавать на харч и одежду каждому на месяц по 20 копеек и принимать оных в те школы от семи лет и ниже от полевых полков, гарнизонных батальонов, губернских рот и учрежденных при городских канцеляриях воинских и инвалидских команд», на их содержание определить из воинской суммы до 20 тыс. руб. Если же в связи с увеличением различных солдатских команд и расположением всей полевой армии «на непременных квартирах» «столь много школьников прибавится», что сумма окажется недостаточной, комиссия запрашивала, нельзя ли будет отпускать из положенных 50 тыс. руб. годовой доимки до 10 тыс. руб. Если и этой суммы со временем будет недостаточно, то Главный кригс-комиссариат представит об этом в Военную коллегию.

На этот доклад Екатерина II наложила резолюцию: «Быть по сему». Таким образом, в связи с возвращением армии в границы России, реорганизацией воинских частей в 1765 г. были выделены значительные дополнительные суммы на содержание сверхкомплектных школьников, узаконен прием в гарнизонные школы детей из полевых полков, разрешено открытие новых гарнизонных школ в Сибири; подтверждено право принимать на казенное содержание солдатских детей с двух лет. Сказывались заинтересованность государства в подготовке грамотных солдат и нежелание потерять детей-сирот, которые должны были в будущем пополнить солдатское сословие. Напомним, штатами 1764 г. на содержание комплектных школьников при 84 батальонах выделялось 26 296 руб. в год.

Выделение еще 20 тыс. руб. в год должно было помочь в содержании сверхкомплектных учеников гарнизонных школ, число которых уже сравнялось с числом комплектных.

Но этих сумм было явно недостаточно для приема детей, все еще остававшихся за порогом школ. Напомним, таковых по официальным данным военного ведомства насчитывалось более 40 %. Конечно, некоторые родители сознательно желали обучать сыновей за свой счет, вне стен казенных школ. Но подавляющее большинство вынуждены было прибегать к услугам мастеров грамоты или оставлять детей без обучения из-за отсутствия мест в гарнизонных школах, их дальнего размещения от места жительства семей. Прием 550 детей драгун в новые, открываемые в Сибири школы лишь ненамного сокращал число тысяч детей, остававшихся вне школ (6260 человек!). К тому же в гарнизонные школы должны были приниматься дети и из полевых полков.

17 января 1774 г. Екатерина II утвердила доклад Сената «Об определении неимущих дворянских малолетних детей по просьбам отцов их, родственников и свойственников в гарнизонные школы» [т. 19, № 14105]. Этот законодательный акт расширил социальный состав учащихся гарнизонных школ, положил начало постоянной практике соединения в них детей двух сословий — дворянского и солдатского.

Из содержания доклада вырисовывается история этого нововведения. В Сенат поступило представление новгородского губернатора Сиверса, который, в свою очередь, получил прошение дворянки А. С. Ахматовой, имеющей трех сыновей 7, 5 и 3 лет. Просительница сообщала, что «воспитать их по неимению людей и крестьян, також и земли нечем, да и сами питаются крестьянскою работою»; муж в мае нанялся сопровождать барки в столицу, где ныне находится — неизвестно. Поэтому она ходатайствовала об определении детей в Новгородскую гарнизонную школу.

Губернатор сообщал, что некоторые обер-офицерские и дворянские дети «самые бедные» по просьбе своих родных прежде записывались в школу, до 16 человек. Но поскольку гарнизонные школы учреждены для солдатских детей, он запрашивал президента Военной коллегии графа Чернышева, можно ли таких дворянских детей брать на казенное содержание. Получил ответ: офицерских детей — сколько угодно, на таких сверхкомплектных выдает комиссариат, что же касается дворян, это остается на попечении губернатора. Губернатор таких средств не имел и представил об этом Сенату.

Сенат, в свою очередь, представил доклад Екатерине II, в котором очень убедительно мотивировал свое мнение о разрешении детям бедных дворян учиться в гарнизонных школах: кадетские корпуса и другие учеб-

ные заведения для дворян не в состоянии принять всех желающих. Если не подать руку помощи таким детям, они вырастут невеждами, вместо службы отечеству будут находиться в праздности. Сенат предложил принимать детей бедных дворян в гарнизонные школы не только Новгородской, но и других губерний, хотя их окажется и до 1000 человек. Содержать на тех же основаниях, что и детей солдат по Табели от 19 апреля 1764 г., выделяя по 5 руб. 32¹/₄ коп. в год на их провиант и одежду из доходов Камер-коллегии, полагая, что «на тысячу человек более 5330 рублей превосходить не будет»; по окончании обучения — распределять в военную службу. Сенат, в случае конфирмации своего предложения, обещал распорядиться о распределении дворянских детей по учебным заведениям. Высочайшая резолюция гласила: «Быть по сему до указа». Таким образом, прошение одной из дворянок и активность, проявленная новгородским губернатором, а затем и Сенатом, породили этот документ, узаконивший прием детей обедневших дворян в гарнизонные школы за казенный счет. Отметим, сумма на содержание 1000 бедных дворянских детей в гарнизонных школах была предложена и утверждена незамедлительно.

В развитие этого законодательного акта Сенат 24 февраля 1774 г. издал указ «О числе дворянских детей, какое в каждой губернии содержать должно в гарнизонных школах и об отпуске суммы на содержание их» [т. 19, № 14105]. Дворянские дети, 1000 человек, распределялись по гарнизонным школам следующим образом: в Московской — 200 человек, Новгородской — 150, Белгородской, Воронежской, Архангелогородской, Казанской — по 105 человек, Нижегородской — 98, Смоленской — 97, Астраханской и Оренбургской — по 10, в присоединенных к Псковской губернии Псковской и Великолуцкой провинциях — в обеих 15 человек. Прочие губернии из-за малого числа дворян и «по причине той, что состоят в своих правах, из сего исключаются».

Особняком в ряду законодательных актов о гарнизонных школах стоит утвержденный Екатериной II штат Астраханской школы. Высочайшей резолюцией от 5 июня 1764 г. на докладные пункты астраханского губернатора Бекетова об использовании дополнительных доходов на развитие края, в том числе «на построение и содержание школы», Екатерина II утвердила «план и штат» этого учебного заведения [т. 16, № 12174, п. 3; т. 43, ч. 1, № 12174]. Судя по этому документу, школа в Астрахани должна была действовать на особом положении. В ней должны были обучаться 324 ученика из солдатских детей четырех батальонов, расположенных в городе, и двух из других мест. При двух далеких батальонах дети должны были обучаться русской грамоте, а затем присылаться в Астрахань

«для продолжения высших наук». К солдатским детям добавлялось 200 учеников «из купецких и разночинческих сирот, не имеющих пропитания». Последним «на пищу, одежду и обувь, на содержание столовой и поваренной посуды, на дрова, свечи, на бумагу и на потребные книги и инструменты, также на прибавку к жалованью» учителям и надзирателям из офицеров и «вольным учителям» выделялось по 5 коп. в день, в год — 3650 руб. «из процентных денег учреждаемого для купечества в Астрахани банка». Далее следовал перечень надзирателей, служителей домово́й церкви, госпиталя (13 человек) и учителей: «языковых» — 6 (русского, немецкого, армянского, персидского, турецкого, калмыцкого) с 4 подмастерьями при них (из губернских переводчиков и их помощников); арифметики, геометрии (по одному учителю с двумя подмастерьями при каждом); фортификации и артиллерии (1), навигации (1), рисования с двумя подмастерьями, истории и географии (1). В штате школы числились слесарь, кузнец, столяр, повар, 4 работника при рыбных учугах (затонах). Для обеспечения рыбою предписывалось определить к школе часть рыбных ловель, 50 семей из 368 душ «переведенцов» (переведенных властью к рыбным ловлям людей), из них употреблять к топленю печей при школе и прочим работам, а жен — к мытью полов и стирке белья.

Во избежание траты средств на строительство здания школа должна была размещаться в кремле на территории заштатного монастыря, находиться за попечением губернатора, который мог менять статьи расходов с условием, чтобы не выходить за положенные суммы. Губернатор должен был стараться, чтобы из солдатских детей «получить пред нынешними искуснейших» и отсылать их в Военную коллегию «для определения по способности в службу». Если будут из разночинцев «достойные мастера», таковых отпускать с паспортами или записывать в цех; купеческих детей «наибольше стараться обучать... соседним языкам, навигации и географии». Разрешалось принимать в школу также и обер-офицерских детей и выпускать их с аттестатами.

Обо всех «важных переменах» в приеме, отставке, выпуске учеников, сделанных губернатором, предписывалось присылать в Сенат ежегодные рапорты, «а ныне Сенату послать во все места указы, чтоб при заведении и продолжении сей школы, также и о учреждении типографии при оной, по требованиям губернатора о разных по дальности Астрахани от резиденции и искусных людей, делать всевозможное вспоможение».

Резолюция Екатерины II на документе гласила: «Поступать по сему до генерального положения о школах во всех губерниях». Этот штат Астраханской школы является единственным в своем роде документом, выводящим это учебное заведение за рамки обычных гарнизонных школ,

поскольку оно должно было действовать под надзором губернатора как на средства военного ведомства, так и на дополнительные суммы от губернии; помимо солдатских детей в ней должны были учиться и сироты из разночинцев, купцов; программа обучения отличалась большим своеобразием, в первую очередь за счет языков; она явно превосходила по уровню программу начальной школы. Обращает на себя внимание попытка привлечь, говоря современным языком, общественность и различные учреждения к оказанию помощи в становлении этого учебного заведения.

Ряд основополагающих законодательных актов, касающихся гарнизонных школ, был издан в годы правления Павла I. 29 ноября 1796 г. он утвердил Воинский устав о полевой пехотной службе. В пункте 4 главы 9 части 9 о гарнизонных школах говорилось: «Пещись полковым и ротным командирам о призрении и сохранении солдатских детей обоего пола, собирая их в указные лета в нарочные при полках школы. В прочем наблюдать, что прежде узаконено о них» [т. 24, № 17588]. В этих кратких нормах содержалось важное нововведение: впервые в школах при пехотных полках предполагалось наряду с мальчиками обучать и девочек. Это нововведение Павла I было закреплено в последующих законодательных актах, касающихся обучения солдатских детей.

25 сентября 1797 г. последовала высочайшая резолюция на Положение, представленное Военной коллегией «О гарнизонных школах и школьниках» [т. 24, № 18159]. Военная коллегия разработала обширный документ, который можно рассматривать как своеобразный проект устава о гарнизонных школах. Констатировалось, что школы существуют при батальонах на основе штатов 1764 г., при каждом по 54 человека, а при всех 108 батальонах полагалось содержать 5832 школьника. На одежду, провиант, книги, каждому ученику выделялось в год 5 руб. 79½ коп. В 1765 г. было прибавлено на содержание сверхкомплектных учеников 20 тыс. руб. в год. Далее приводилась информация о числе учащихся в школах: «Число школьников при всех гарнизонах простирается ныне до 12 000, включая тут и состоящих на содержании родственников».

Поскольку в некоторых школах число учеников много умножилось, а цены на все выросли, сумма на содержание школ оказалась «весьма недостаточною». Поэтому Военная коллегия предлагала: «1) школы при гарнизонных полках учредить и в оныя штатное число школьников назначить соответственно количеству солдатских детей, при тех полках ныне состоящему и местной удобности» (с учетом числа проживавших солдат с семьями): в Санкт-Петербурге на 500 учеников, в Москве — на 1000;

при каждом батальоне — на 100 человек: в Нарве, Новгороде, Архангельске, Нижнем Новгороде, Твери, Симбирске, Владимире, Воронеже,

Тамбове, Смоленске, Полоцке, Сенном, Киеве, Царицыне, Казани, Верхнеуральске, Саратове, Ставрополе, Тобольске, Омске, Петропавловске, Иркутске и Селенгинске;

при каждом батальоне — на 50 человек: в Кронштадте, Шлиссельбурге, Риге, Ревеле, Динаменде, Балтийском порте, Пернове, Оренбурге, Динабурге, Витебске, Старобыхове, Рогачеве, Выборге, Фридрихсгаме, Вильмандстранте, Кексгольме, Нейшлоте, Елизаветграде, Таганроге, Бахмуте; в крепостях: Александровской, Никитинской, Кирилловской, Петровской, в Перекопе, Астрахани, Ростовской крепости, Азове, Кизляре, Моздоке, Оренбурге, Орске, Кизильске, Троицке, Звериноголовске, Бийске, Томске, Семипалатинске. Во всех гарнизонных школах штатное число школьников должно было составить 8000 человек.

Поскольку в Положении утверждалось, что сеть школ и число учащихся в них должно соответствовать наличным детям, можно полагать, что предлагаемое число штатных учащихся (8000) соответствовало действительности, возможно с некоторым округлением. Но как расценивать утверждение того же военного ведомства: «Число школьников при всех гарнизонах простирается ныне до 12 000, включая тут и состоящих на содержании родственников»? Если 4000 детей обучались за счет родителей и других родных, то это слишком большая часть — более трети учащихся гарнизонных школ. Если они обучались у мастеров грамоты за счет родных, то и в этом случае они должны были остаться за порогом гарнизонных школ и задача «штатное число школьников назначить соответственно количеству солдатских детей, при тех полках ныне состоящему» оставалась явно невыполнимой, лишь красиво заявленной.

Военная коллегия предлагала принимать в школы солдатских и унтер-офицерских детей как от гарнизона, при котором действовала школа, так и от губернских штатных воинских команд, от живущих по городам и уездам детей отставных военнослужащих, рожденных до их отставки. Принимать детей с 7 лет, а не имеющих никакого содержания — с 5 лет, младших — отдавать на воспитание в семьи, выделять на них провиант по одному четверику на месяц «с пропорцией круп».

Программа обучения оставалась сокращенной до минимума: грамота, арифметика, игра на флейте и барабане. По субботам к чтению Воинского артикула добавлялись статьи из Воинского устава.

Если ранее выпускники школ могли распределяться в писари, слесари, кузнецы, то отныне по достижении 15 лет — лишь в солдаты. Поскольку запрещалось определять в барабанщики и флейтчики ранее 15 лет, значит, могли распределяться и на эти должности.

Пункт 7 посвящен отчетности. Учитывая интерес Павла I к гарнизонным школам, Военная коллегия предлагала самому императору принимать от военных губернаторов и комендантов месячные рапорты о численности, возрасте солдатских и унтер-офицерских школьников и количестве детей, числящихся «на воспитании у родственников». При этом сведения о школьниках должны были подаваться инспекторам и в Военную коллегию, «каких они потребуют».

К Положению о гарнизонных школах и школьниках Военная коллегия разработала штат о содержании на казенной сумме 8000 учеников. Как отмечалось в самом Положении, «на содержание 50 школьников с учителями, услугою и со всеми им следующими вещами потребно в год» 848 руб. 95 коп., а на 8000 школьников — 135 833 руб. 96 коп.; с учетом же надзирателей при 63 школах — 154 283 руб. 96 $\frac{2}{3}$ коп. Военная коллегия предлагала: поскольку «за помещением 8000 школьников остается еще сверх комплекта до 4000, и вероятно, что сие число со временем умножиться может», исключив из него тех, «кого родственники на своем воспитании иметь пожелают», не соизволит ли император оставить 20 тыс. руб., как и прежде, на содержание сверхкомплектных школьников.

Павел I в резолюции на этот документ отметил: «Весьма мнением Военной коллегии доволен» и пожелал, чтобы она «положение сделала для солдатских детей, сколько можно ближе к заведению Моему при Гвардии, под названием Сиротского дома» с отделениями на местах и учредила «особый при Коллегии Департамент, который бы единственно сим учреждением занимался» [т. 24, № 18159].

Учитывая содержание резолюции, Положение 1797 г. нельзя считать утвержденным: оно не получило силу закона. Ценность этого документа — в проявлении интересного законодательного почина Военной коллегией, которая, пользуясь особым вниманием Павла I к военному делу, предложила реформирование гарнизонных школ. В этом инициативном документе интересны прежде всего данные о сети гарнизонных школ. Чтобы в полной мере оценить активность Военной коллегии, необходимо изучить рапорты о гарнизонных школах и выяснить, в каких местностях военное ведомство предлагало открыть новые школы. Ведь тем самым обучение детей было бы приближено к месту жительства их родителей.

Ценна и законодательная инициатива, проявленная самим Павлом I в отношении создания Военно-сиротского дома, преобразования гарнизонных школ в его местные отделения и образования специального структурного подразделения в Военной коллегии для руководства этими новыми учебно-воспитательными заведениями.

27 октября 1797 г. вышел высочайший приказ, отданный при пароле. Инспекторам предписывалось, чтобы «школьники, дошедшие до 15-летнего возраста, кои к службе явятся годными, распределены и впредь распределяемы были по полкам, о чем всякий раз и рапортовать» [т. 24, № 18224]. По сути, распределение учащихся гарнизонных школ так ранее и производилось. Новым здесь является лишь приказание извещать об этом императора. Это подтверждает интерес Павла I к гарнизонным школам, являвшимся источником пополнения армии.

Внимания заслуживает указ из Военной коллегии, помещенный в ПСЗРИ, «О нераспределении малолетних из гарнизонных школ по полкам», вышедший в январе 1799 г. [т. 25, № 18841]. Поводом для его издания послужило представление бывшего смоленского коменданта генерал-лейтенанта князя Долгорукова, в котором он сообщал, что рядовые его полка, определенные из школьников, не достигли призывного возраста, хотя в списках указано, что им по 15 лет. Они малы ростом, «служебности отправлять сил не имеют». Причина этого — «от ложного показания отцов и матерей их при записке в школу, дабы получать на них казенное содержание». Военная коллегия приказала новому смоленскому коменданту вернуть этих детей в школу, а комендантам «подтвердить... чтоб они прилагали должное старание о том, чтоб впредь такового злоупотребления не было».

21 февраля 1799 г. появился сенатский указ «О предписании губернаторам, чтоб они, по требованию комендантов, оказывали пособие в отопливании гарнизонных школ». Сообщалось, что Военная коллегия рапортом потребовала возврата денег на покупку дров для Нарвской школы. Сенат затребовал сведений, откуда получают дрова все другие гарнизонные школы. Поскольку Коллегия доносила, что обеспечение дровами всех войск и учреждений при них возложено Сенатом на гражданские власти, но порой обращения к ним «остаются безуспешны», дрова школам приходится уделывать от солдатских казарм, Сенат предписал гражданским губернаторам, чтоб они по требованиям комендантов «в отопливании училищ делали всевозможное пособие», но самой коллегии при разработке положения о Военно-сиротском доме и его отделениях позаботиться о выделении средств на дрова. Таким образом, из содержания указа Сената вырисовывается проблема повседневной жизни гарнизонных школ — отопление помещений зимой.

В августе 1799 г. вышел указ Военной коллегии, касающийся обеспечения провиантом детей, которых не могут прокормить сами отцы [т. 25, № 19101]. Он был издан в связи с письмом вице-президента коллегии, составленным, в свою очередь, в связи с обращением к нему сенатора

и государственного казначея Васильева. Васильев получил из Минской казенной палаты отношение: тамошний губернатор по представлению игуменского и случского городничих потребовал выдать провиант солдатским детям. Но палата не имела средств для содержания малолетних солдатских детей, не достигших 7-летнего возраста и просила выделить их у государственного казначея. Военная коллегия надела справки: по инструкции полковнику конного полка (1766) положено давать сиротам с двух лет провиант по одному четверику на месяц. По определению Военной коллегии от 22 октября 1773 г. полагалось «малолетам» при губернских и городских штатных воинских командах, чтобы они «по недостатку в пропитании по миру скитаться или куда разбродиться не могли», давать «по 1 четверику на месяц и круп по полугарнцу, причисляя в гарнизонные школы от двух до 6-летнего возраста», а в 6 лет «определять уже в школы для обучения наук». Военная коллегия приказала: на основе высочайше подтвержденного положения от 23 декабря 1798 г. сообщить во все губернские правления, дабы по всем солдатским детям мужского пола до 7 лет, «не только при губернских ротах и городских штатных командах состоящим, но и имеющимся при о[т]ставных солдатах в уездах и городах», которых отцы «по бедности своей» прокормить не могут, сделать списки, отсылать в ближайшие гарнизоны, где учреждаются отделения Военно-сиротского дома, комендантам причислить детей к своим отделениям, требовать от Провиантского департамента провиант через их магазины, а где магазинов нет, давать деньгами от казенных палат. Этот указ — прямое свидетельство тяжелого материального положения отставных солдат, имеющих малых детей, которое вынуждено было признать и само военное ведомство и оказывать им помощь в прокормлении сыновей — будущих солдат.

Как уже отмечалось, Павел I инициировал реформирование гарнизонных школ, 23 декабря 1798 г. он утвердил доклад е. и. в. Александра Павловича и группы генералов «Об учреждении императорского Военно-сиротского дома и Отделений онаго при гарнизонных полках». В эти местные отделения и превращались гарнизонные школы, рассчитанные на прием 16 400 солдатских сыновей от 7 до 18 лет; на их содержание новыми штатами выделялось 520 076 руб., на Военно-сиротский дом — 126 467 руб.; при Военной коллегии создавался и особый департамент, которому полагалось заниматься этими новыми учебно-воспитательными заведениями. Анализ законодательства о них — предмет специальной статьи.

Подведем итоги. Государственная власть продолжала уделять значительное внимание регламентации деятельности гарнизонных школ и во второй половине XVIII в. Организация школ претерпела две реформы: в правление Екатерины II в 1764 г. и при Павле I в 1798 г. Анализ законо-

дательных и нормативных актов свидетельствует, что денежных средств, выделяемых штатными нормами, было явно недостаточно для привлечения в школы большинства детей солдат. Налицо противоречие между нормами законов, предписывавших обязанность детей солдат учиться в гарнизонных школах, с одной стороны, и постоянным недостатком штатных сумм на их содержание — с другой. Будучи заинтересованной в получении подготовленного контингента пехотных и драгунских (конных) войск, верховная власть вынуждена была поддерживать будущих учеников школ выдачей провианта, устанавливая им определенный объем муки и круп в месяц, начиная с младшего возраста. В то же время с 1774 г. был разрешен прием в гарнизонные школы детей обедневших дворян, и сразу же на их содержание были выделены значительные суммы. Постоянное изменение норм, регулирующих те или иные стороны деятельности школ на протяжении XVIII в., требует более осторожного подхода к их использованию исследователями и четкого указания, в какой отрезок времени они действовали. В целом законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах, регламентирующие различные стороны их деятельности, являются важнейшим источником для изучения истории этих наиболее крупных начальных учебных заведений России XVIII в. Более детальное рассмотрение этих актов требует обращения к архивным документам, чтобы полнее раскрыть причины издания тех или иных норм, выявить отсутствующие в ПСЗРИ акты, а главное, выяснить вопрос о степени претворения их в жизнь.

Кравченко О. С. Указы Сената о гарнизонных школах России 1740-х гг. // Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. «Документ. Архив. История. Современность». Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.

ПСЗРИ-1 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 15–17; 19; 24; 25; 43, Ч. 1. СПб, 1830.

Сафронова А. М., Кравченко О. С. Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.